

UOT 7.01+801.73

ORCID: 0000-0002-1580-5931

DOI: 10.52094/INOQ7556

Фарида Джалилова Махир кызы
Азербайджанский государственный
университет культуры и искусств
Доктор философии по искусствоведению, доцент
farida.jalilova@admiu.edu.az

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ТВОРЧЕСТВО НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Резюме: В статье анализируется творчество Низами Гянджеви с точки зрения современного исследователя, не являющегося литературоведом. Стремясь создать обобщенную картину идей, связанных со словами в творчестве Низами, автор рассматривает поэзию великого поэта в контексте теории познания. Автор утверждает, что изучение Низами Гянджеви не только как поэта, но и как великого мыслителя средневекового исламского мира в контексте проблематики современных философских исследований обещает интересные результаты. Гносеологические взгляды Низами тесно связаны с его эстетическими взглядами. Мир можно понять только через слова — невозможно понять то, что нельзя объяснить словами. Слова отражают мир, и Низами удастся упорядочивать слова так, как никто другой. Для Низами творчество означает не просто подражание увиденного, но и изучение. Творческое наследие великого поэта включает в себя как поэтические выражения литературной теории, так и описания самого творческого процесса, включая эмоциональные переживания поэта. Поэтому эта тема нуждается в более детальном и всестороннем изучении. В заключение нашей статьи мы еще раз подчеркиваем, что тема отражения философского мировоззрения Низами в его творчестве требует более детального исследования.

Ключевые слова: Низами Гянджеви/Гянджави, исламская поэзия, гносеология, эпистемология, герменевтика, разум и рассудок.

Насколько хорошо знают в мире Низами, да и знают ли? Какое место он занимает среди таких поэтов, как Данте и Шекспир, сопоставление с которыми в разных исследованиях о Низами мы встречаем. Эта статья рассматривает творчество великого поэта не в свете традиционного литературоведения, хотя Низами является наиболее значительной и чуть ли не самой влиятельной фигурой во всей литературе мусульманского востока и в этом смысле, не удивительно, что есть неимоверное количество исследований на тему творчества поэта: «Несомненно, Низами привнес в придворный эпос идею «хамсы» (на арабском языке «хамсетун» или «хамсун» означает пять), которая получила формализацию и облагораживание в маснави, а также заложила основы классического стиля и мастерства, которые на долгое время служили эталоном для поэтов исламского мира» (Talibzadə, A.A.Y., s. 34). Наше же изыскание, скорее, является попыткой герменевтического анализа малокомпетентного в этой сфере исследователя над с детства знакомыми поэтическими текстами с точки зрения современного читателя.

Если бы пришлось описывать сегодняшнему западному читателю, который ничего кроме современной прозы не читал, стиль (только стиль!) письма Низами, мы бы охарактеризовали его похожим на прозу Набокова. Потому что если мы попытаемся анализировать, скажем, роман В. Набокова «Лолита» в содержательном плане, как говорил Карл Проффер в своей книге «Ключи к “Лолите”» (1968), придем к выводу, что сюжетная основа набоковского романа достаточно проста и только предлагаемые «ключи к некоторым романским головоломкам – путем выявления, определения и комментирования литературных аллюзий, [...] а также путем перечисления некоторых характерных стилистических приемов» (Проффер, К.) помогут читателю разобрать написанный «прихотьё библиофила» текст во всех пластах.

Правда, это сравнение уместно с той, конечно, разницей, что тексты Низами даже в содержательном плане никогда не подвергались критике, хотя даже ему не удалось избежать некоторых ошибочных суждений о своем творчестве. Порой автору первой «Хамсы» («*Пятерица*») ставили в укор излишнюю дидактичность его поэм, а «Семь красавиц» (1197) иногда преподносили как цикл «эротичных сказок». Кстати, Айдын Талыбзаде в своей рецензии на спектакль «Семь красавиц» в постановке Йонаса Вайткуса на сцене Русского драматического театра рассматривает историю

шаха Бахрама в суфийском контексте: «“Семь красавиц” – это дорога Бахрам шаха от себя к себе, от материи к Духу: это его суфийский тарикат (путь) с семи стоянками, это путь от внешнего мира в мир внутренний» (Талыбзаде А. А., 2012). И такую символику в исламской литературе начиная с X века мы встречаем повсеместно во всех странах, где существовали суфийские ордена (правда, здесь нужно оговорить такой момент, что Низами никогда не считался чисто суфийским поэтом, как Аттар или Руми, но известные образы тасаввуф у него часто встречаются). При всем этом в Средние века не всегда поэзия имела трудную для понимания форму в целях маскировки тайного смысла того, что не должны были узнать непосвященные. Иногда причиной мог быть своеобразный декаданс дворцовой среды поэтов. Как мы можем убедиться, творчеству средневековых азербайджанских поэтов свойственна форма, которую определяет «необычайное развитие поэтической техники, увлечение игрой словом, головоломными экспериментами над ним, превращающими стихи подчас в своеобразную загадку» (Бертельс, Е. Э., 1947, s. 6). Исследователь Низами Е. Э. Бертельс говорит об этой манере письма: «У восточного автора на переднем плане стоит культура слова, ради одного удачного сравнения, одной блестящей метафоры он вводит в тему новые эпизоды, поворачивает сюжет в ту или иную сторону. ...Сюжет – лишь основа, канва, по которой поэт вышивает свои пестрые узоры» (Бертельс, Е. Э., 1965, s. 378).

Почему же Низами так важен и интересен для нас сегодня? Неужели им восхищаются только любители изощренных словесных игр, загадок и головоломок? Но для всего этого можно обратиться и к более близким по языку и мировоззрению авторам. У Низами, конечно, «узорчатый» стиль безусловно соединяется с глубоким содержанием. Именно благодаря этому единству мы говорим о Низами как о великом реформаторе не только азербайджанской поэзии, но и всех других стран Кавказа, также Среднего и Ближнего Востока. Е. Э. Бертельс описывает своеобразие поэзии Низами следующим образом: «Слово, которое в разговорной речи лишь сигнал для образования мысли, здесь становится самодовлеющим. Совершенно очевидно, что все, сказанное Низами в этих строках, можно было бы в целях ясности изложить в нескольких словах. Но можно ли думать, что такой пересказ основных мыслей “Сокровищницы тайн” равнялся бы самой поэме? Конечно, нет, ибо без этого убранства формы они мелькнули

бы, не оставив следа» (Бертельс, Е. Э., 1947, s. 14). Может, это и стало причиной принятия Ильясом ибн Юсуфом техаллуса, то есть псевдонима «Низами» (от арабс. «назм»; «низам» означает «строй», «порядок», «низами» – «стройный», «складный»). Ведь Низами сам прекрасно понимал то огромное значение примененных им новшеств, которые должны были обеспечить ему славу и изменить существующее поэтическое искусство. Еще в первом крупном произведении – в месневи «Сокровищница тайн» (1174/1175) он предупреждает читателя о непривычности структуры своего нового детища:

Вникни в книгу мою. Книга будто чужда и странна,
Но прими ее ласково. Близкою станет она
(Низами Г., «Сокровищница тайн»).

И дальше о своем таланте:

Мой язык – что алмаз. Этот меч мой, – тебе ведь он ведом.
Я им головы снес, всем за мной появившимся следом.
Этот меч Низами, многим головы сбросивший с плеч,
Не стареет. Ведь он – притупленья не знающий меч
(Низами, Г., «Сокровищница тайн»).

Уже в XII веке в творчестве Низами мы встречаем гуманистическое мировоззрение Европы последующих веков. Сила поэзии Низами не только в красивых формулировках – ведь какая часть из всех его читателей читали написанные на персидском произведения поэта в оригинале? Также эта сила не только в сложных структурных построениях самих произведений, хотя, наверно, телеологическое понимание классической эстетики нигде в литературе до Низами не находит такого продуманного воплощения и, как нам кажется, именно эта масштабная работа подчинения разума творческому процессу определяет гений поэта. И отсюда мы подходим к принципиальному для обычного читателя моменту, который по сей день обеспечивает интерес к творчеству Низами – это звучащие в его строках мысли. В одной из своих касыд поэт сам, указывая на все эти черты своего творчества, пишет:

Благодаря глубине мыслей,
я – царь царей страны Мудрости,
И (поэтому) по воле небес
я господствую над временем и
пространством.

музами дар. Разве не вспоминаются строки А. С. Пушкина из стихотворения «Пророк» (1826) в качестве иллюстрации к сказанному?

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, –
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
...Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»

(Пушкин, А. С., 1959, s. 149-150).

Пророк в лирической поэзии часто приравнивается к поэту. Этот мотив прослеживается во всех месневи Низами. Все пять произведений «Хамсы», как по обязательному порядку с небольшим отличием, начинаются соответственно с прославления Аллаха, мольбы о наказании и гневе божием, мольбы о прощении, восхваления пророка, вознесения (*мирадж*) пророка, положения и достоинства книги, речи о превосходстве слова. И только после этих частей Низами переходит к фабуле повествования в своих эпических произведениях. И во всех пяти месневи мирадж пророка занимает особое место. Сначала посмотрим, что особенного в вознесении пророка и воплощением чего является это событие у Низами.

У набожного Низами, конечно, фигуры пророка и поэта не сливаются в единый образ, но по близости к богу они стоят рядом и в части «Превосходство речи, нанизанной в должном порядке, перед речью, подобной рассыпанным жемчугам» «Сокровищницы тайн» Низами пишет об этом открыто:

Стихотворные речи – возвышенной тайны завеса –
Тень речений пророческих. Вникни! Полны они веса.
В том великом пространстве, где веет дыханье творца,
Светлый путь для пророка, а далее – он для певца.
Есть два друга у Друга, чья светлая сущность едина.

Все слова – скорлупа, а слова этих двух – сердцевина земного
(Низами, Г., «Сокровищница тайн»).

Гегель писал о свойствах чудесного в искусстве: «Действительность окружает нас как некое низменное, случайное существование; это конечное затрагивается божественным. ...Но в действительности божественное может существовать в природе и управлять ею только как разум, как неизменные законы самой природы, вложенные в нее богом; божественное не должно проявлять себя в качестве божественного в обстоятельствах и действиях, нарушающих законы природы, ибо только вечные законы и определения разума управляют природой» (Гегель, Г. В. Ф. 1969, s. 263). Как же эта выписка точно описывает обоснование обращения Низами к такому мистическому явлению, как мерадж. Пантеистическое восприятие мира распространенное в средневековом мусульманском Востоке явление и творчество Низами часто выражает это мировоззрение. Иногда Низами прямо, как в последнем нашем примере из «Сокровищницы тайн», сравнивает поэта с пророком. А иногда о божественной ипостаси поэта он дает знать через изображение чудесного вознесения пророка на небеса. Но в поэзии мерадж, как нам кажется, выступает в качестве творческого образа процесса познания. В «Сокровищнице тайн» часть «Наступления ночи и познания сердца» созвучна с частью «О вознесении пророка»:

Царь девятого неба к тебе нисходящий в тиши,
Создал видимый мир, создал светлое царство души.
Следом души людей были созданы миром нездешним,
И души устремленье смешал он с обликом внешним.
Эти двое обнявшихся создали сердце. Оно
На земле воцарилось. Так было ему суждено.
И дано ему царством великим владеть, повсеместным.
И телесное все сочетается в нем с бестелесным.
Облик наш, как душа, повелением сердца возник.
Лишь я стал размышлять о пылающем сердце, мой разум
Принял масло в свой пламенник. Многое понял он разом
(Низами, Г., «Сокровищница тайн»).

И души устремленье смешал он с обликом внешним.

Изучение различных проявлений аспектов Бога, как его понимает Низами, делает возможным определение конкретных качеств вселенной.

Эти эмпирические наблюдения впоследствии с помощью правильных суждений приводят к знанию. Единственный путь соединения с божественным началом, находясь в телесной оболочке, проходит через разум. В месневи «Семь красавиц» Низами говорит:

Разум – главный наш помощник, наш защитник – он.

Муж разумный всем богатством мира наделен.

Люди разума подобны ангелам с небес,

Дар провидения дан им – чудо из чудес

(Низами, Г. «Семь красавиц»).

В мусульманском мире поэзия всегда была пристанищем ереси, возможно, отсюда такой сложный язык классической исламской литературы, направленный на создание некой уклончивости и туманной пелены. Но при всем том последовательность развития «еретической» по отношению к ортодоксальному исламу мысли можно проследить и в более поздние времена. Азербайджанский поэт и драматург XX века Гусейн Джавид (1882-1941) в своей пьесе «Пророк» (1922) устами архангела Гавриила, олицетворенного образа разума, говорит Мухаммеду:

Я есть ты, и ты есть я, не удивляйся, нет,

Я есть разум твой, но вынужден вечно я

являться в обличии этом

(Hüseyn, S., 2005, s. 142).

Освоивший историю классической восточной литературы Г. Джавид, несмотря на всю преемственность традиции, как представитель романтизма в XX веке мог уже смело и открыто выражать свои пантеистические мысли. У Низами же мы можем наблюдать положение, которое иногда специалистами трактуется как сомнение. Ученый-низамивед Теймур Керимли исследует антропоморфные черты в образе Бога в «Хамсе» и пишет об этом следующее: «В поэме (*«Сокровищница тайн»* – Ф. Дж.) Бог не всегда предстает за мистической завесой; в отличие от многих своих современников Низами уверяет, что человеческое сознание и знания способны постичь Бога. ...Но необходимо также отметить, что это положение не носит систематический характер. Например, во Вступлении произведения поэт выражает мысль о непознаваемости Бога... Примиряющим выводом будет признание существования интеллектуальных сомнений и тревог самого Низами как художника-философа» (Kərimli, T. N., 2002, s. 60, 61). Действительно, в

текстах Низами можно проследить такие «несоответствия», но они настолько часто повторяются, что и здесь можно увидеть закономерность, которая исключает разногласия. В этом смысле, месневи Низами легко поддаются анализу через деистический подход: Бог создал мир, сам этот процесс человек познать не может – но познание невозможности познания Бога тоже является результатом глубоких умозаключений, которые достигаются через мышление. В «Сокровищнице тайн» Низами ропщет на ограниченные способности разума познать Всевышнего:

Легковесная мысль вкруг него исходила пути,
Но с пустыми руками от двери пришлось отойти.
Много троп исходив, сокровенной не вызнали тайны,
Равных с ним не нашли, все дела его – необычайны
(Низами Г., «Сокровищница тайн»).

Или в «Хосров и Ширин» (1180) чувствуется восхищение мирозданием и вместе с тем принятие невозможности познания Бога в известных условиях разума:

Он вне того, что есть миров его основа –
Вне постижения, вне разума, вне слова.
Чтоб распознать его, скакнув на звездный дол,
Конь постижения подковы расколоч.
Чтоб разыскать его, поднялся трезвый разум,
Но в безграничности свой путь утратил разом.
И так постичь его ты сможешь, что, дивясь,
С привычным для ума свою утратишь связь
(Низами, Г. «Хосров и Ширин», 1983, с. 43-44)

Бога как «вещи в себе» человеку не понять, во всяком случае, догматические положения ислама опровергают такую возможность. В суфизме и хуруфизме отклонения от этого канона обретает такой масштаб, что представители этих учений порой преследуются как государственные изменники. Причиной тому служили их представления, увещающие возможность постичь Бога через разум и явления. Вера в реальность познания Бога через чувственный опыт занимает важное место в суфизме: отсюда, самая привлекательная сторона этого учения – концепция «ашк». У Низами человек способен познать сотворенный Богом мир через разум. В «Хосров и Ширин» есть посвященная этому вопросу глава под

названием «В разъяснение прямого постижения и познания разумом», где автор пишет:

Путь к тайнам тайника – неодолимый путь,
Но разломи печать и с господом пребудь.
Пусть чувства каждые умчатся друг за другом,
И только разум свой своим ты сделай другом
(Низами, Г. «Хосров и Ширин», 1983, s. 46, 47).

Итак, Бог у Низами обладает ньютоновскими чертами созидательной силы и определить пределы этой силы человеку недоступно – об этом он подробно пишет в указанной главе. Но в то же время, Бог наделил нас разумом, чтобы мы могли постичь материальный мир. Следовательно, абсолютный дух в разных проявлениях доступен для познания каждого. Арзу Гаджиева в статье «Низами Гянджеви: на вершине мудрости» пишет: «Божественное единство открывает путь к идее единства человечества. По глубокому убеждению поэта, разум и дух всех людей един, независимо от того, к какому народу, какой расе они принадлежат, какого они вероисповедания, исторические цели, идеалы у всех народов общие» (4; 10). Другое же дело, что это требует от человека больших усилий и умственного труда. Потому-то в «Хамсе» пророку, которому уделяют порой больше места, чем Аллаху, отводится специальная роль: человека, способного познать абсолютные истины. Пророк Мухаммед тот, кому было ниспослано божественное слово в виде Корана. Как выше мы показали, у Джавида Гавриил не конкретное существо, не посредник, который, по исламским канонам, передавал слово Божие, а символ разума. В таком случае, Коран плод пророческого ума. У Низами мы также чувствуем вызов, брошенный времени и истории. Сегодня мы можем сказать точно, что вызов этот оправдал себя: Низами – больше, чем поэт.

Гносеологические взгляды Низами тесно связаны с его эстетическими взглядами. Мир можно понять только через слова – то, что не объяснить словами, невозможно постичь:

И небесный калам, золотые сплетая узоры,
Мудрым словом раскрыл мировому познанию взоры.
Если б не было слова, то кто бы о мире сказал?
Всё сказали слова, был поток их речистый не мал.

...Коль не слово сучило бы нити души, то ответь,

Как могла бы душа этой мысли распутывать сеть?

(Низами Г., «Сокровищница тайн»).

Слова отражают мир, а Низами умеет нанизывать слова, как никто до него не умел. В книге «Театр и театральность в культуре ислама» А. Талыбзаде пишет о месте слова в исламском обществе: «В реальном мире одно из высших состояний человеческого духа – это находиться в блаженном состоянии понимающего, ключом которого является слово, изреченное и выслушанное. Без услаждения слуха нет понимания, одухотворения и просветления. [...] быть понятным – значит апеллировать к СЛОВУ, которое к тому же и является средством самоочищения (Талыбзаде, А. А., 2006, s. 51). У Низами поэтическое искусство стоит выше истории, точно так, как описывает данное положение Аристотель в своей «Поэтике». Это можно увидеть по бесчисленным сравнениям текстов Фирдоуси и Низами. Творчество для Низами предполагает предварительное изучение, а не простое копирование увиденного:

Вникни, мудрый, в суть растений, почвы и камней,
Вникни в суть существ разумных, в суть природы всей, –
И в любом живом творенье можешь ты открыть
Главное, что и по смерти вечно будет жить.
...Если ты себя, как свиток, правильно прочтешь,
Будешь вечен. В духе – правда, остальное – ложь

(Низами Г. «Семь красавиц»).

Непосредственно вопросы поэтики Низами волновали не меньше вопросов познания. Сказать точно, был ли знаком Низами с «Поэтикой» Аристотеля мы не можем, хотя «Метафизику» он, скорее всего, читал (мы знаем, что помимо арабского перевода, в Средние века имели популярность комментарии Аль-Фараби (870-950) к «Метафизике»), а аристотелевская «Политика» автору «Искендернаме», несомненно, была знакома. Аристотель в «Поэтике», говоря об объеме фабулы, отмечает следующее: «Определение же применительно к природе предмета: что лучше в отношении ясности, то прекраснее и по величине» (Аристотель, 2002, s. 300). Низами в главе «Превосходство речи, нанизанной в должном порядке, перед речью, подобной рассыпанным жемчугам» «Сокровищницы тайн» пишет:

Тонких мыслей знаток должен знать, что усладой верной

Будет тонкая мысль, если взвешенной будет и мерной
(Низами Г., «Сокровищница тайн»).

На самом деле, и эту главу, и главу «Восхваление слова и несколько слов о мудрости» из «Семи красавиц», а также некоторые стихотворения из «Дивана» можно было бы рассматривать в контексте поэтической теории. Творческий процесс в качестве объекта изображения в произведениях искусства стал широко занимать художников последние два века и достиг своего пика в XX веке. Конечно, мы не можем не вспомнить «Лягушек» Аристофана, который опережает аристотелевскую «Поэтику» в плане описания теоретических взглядов учения о трагедии; а терзания поэта в непонимающем его обществе на примере *Торквато Тассо* очень душевно изобразил в своем драматическом произведении И. В. Гете. Примеров же, где мысли о творчестве вплетаются в общую канву произведения как побочный элемент и не счесть. В творческом наследии Низами мы встречаем и поэзирование литературной теории, и само описание творческого процесса с волнующими поэта переживаниями, поэтому эта тема требует дополнительного, тщательного изучения. Мы же подводя итог нашей статье, еще раз подчеркиваем, что тема отражения философского мировоззрения Низами в его творчестве требует более основательных исследований; мы это прекрасно понимаем, и как заметки для будущих изысканий, хотим здесь обозначить некоторые интересные в контексте теории познания направления, как, например, анализ текстов Низами в свете учений Людвига Витгенштейна и Мартина Хайдеггера.

Список литературы

1. Аристотель. (2002). *Политика*. / («Политика» и «Поэтика»). – Москва: Издательство АСТ. – 393 стр.
2. Бертельс, Е. Э. (1965). *Избранные труды*. Суфизм и суфийская литература. – Москва: Главная редакция Восточной литературы; издательство «Наука», – Стр. 530
3. Бертельс, Е. Э. (1947). *Низами*. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1947. <https://profilib.link/chtenie/67006/e-bertels-nizami-6.php> (дата обращения: 30.03.2021)
4. Гаджиева, А. А. (2013). Низами Гянджеви: на вершине мудрости. // *Гуманитарные науки*, №1 (9)/2013 – Стр. 8-12

5. Гегель Г. В. Ф. (1969). *Эстетика*. В четырех томах. Том второй – Москва: Издательство «Искусство». – 328 стр.
6. Низами, Г. (1981). *Лирика*. Прозаический перевод / Пер., вст. статья и комментарии проф. Р. Алиева – Баку: «Язычы». – 112 стр.
7. Низами, Г. *Семь красавиц* / Перевод В. Державина https://librebook.me/piat_poem/vol6/1 (дата обращения: 30.03.2021)
8. Низами, Г. *Сокровищница тайн* / Перевод К. Липскерова и С. Шервинского.
9. https://librebook.me/piat_poem/vol3/1 (дата обращения: 30.03.2021)
10. Низами, Г. (1983). *Хосров и Ширин*. / Перевод К. Липскерова. Научный редактор, автор вступит. статьи и комментариев проф. Р. Алиев – Баку: «Язычы», 1983. – 458 стр.
11. Проффер, К. *Ключи к “Лолите”*. <https://www.litmir.me/br/?b=109475> (дата обращения: 30.03.2021)
12. Пушкин, А. С. (1959). *Собрание сочинений в десяти томах*. Том второй. Стихотворения. 1823-1836 – Москва: Государственное издательство Художественной литературы. – 799 стр.
13. Талыбзаде, А. А. (2006). *Театр и театральность в культуре ислама: поэтика форм проявления театра в средневековых странах Ближнего и Среднего Востока (X-XVI вв.)* – Баку: «Сабах». – 312 стр.
14. Талыбзаде, А. А. Театр сказителя: правду возлюби или Вселенская матрица Низами // Газета «Зеркало». – 2012, 15 декабря.
15. Hüseyn, S. (2005). *Əsərləri*. Beş cilddə. III cild – Bakı: “Lider nəşriyyat”. – 304 səh. (на азербайджанском)
16. Kərimli, T. H., (2002). *Nizami və tarix* – Bakı: “Elm”. – 244 стр. (на азербайджанском)
17. Talıbzadə, A.A.Y. Nizaminin “Xəmsə”si islamin beş dirəyinin ədəbi-bədii, fəlsəfi-illüstrativ modeli kimi (hermenevtik düşüncə modusu). *Mədəniyyət dünyası*, XXXIV buraxılış, Azərbaycan Dövlət Mədəniyyət və İncəsənət Universitetinin nəşriyyatı, Bakı, 2023. <https://medeniyyetdunyasi.az/axiv/2024/03/DOI-10.520943005-9941.44.2023.036.pdf>

Fəridə Cəlilova Mahir qızı

NİZAMI GƏNCƏVİ ƏSƏRLƏRİNƏ EPİSTEMOLOJİ BAXIŞ

Xülasə: Məqalədə Nizami Gəncəvi yaradıcılığı ədəbiyyatşünas olmayan müasir tədqiqatçının baxışları nöqtəyi-nəzərdən təhlil olunur. Nizami yaradıcılığında sözlə bağlı fikirlərin ümumiləşdirilmiş mənzərəsini yaratmağa çalışan müəllif böyük şairin poeziyasını idrak nəzəriyyəsi kontekstində araşdırır. Bu baxımdan, Nizami Gəncəvinin yalnız şair deyil, həm də Orta əsrlər İslam dünyasının böyük mütəfəkkiri kimi müasir fəlsəfi tədqiqatlar problematikası kontekstində də öyrənilməsinin maraqlı nəticələr vəd etdiyini söyləyən müəllif məqaləsində gələcək tədqiqatlar üçün geniş üfüqlər çıxır. Nizaminin qnoseoloji görüşləri onun estetik görüşləri ilə sıx bağlıdır. Dünyanı yalnız sözlə anlamaq olar – sözlə izah edilə bilməyən şeyləri anlamaq mümkün deyil. Sözlər dünyanı əks etdirir və Nizami sözləri heç kimin edə bilmədiyi şəkildə nizama salmağı, sıralamağı bacarır. Nizami üçün yaradıcılıq sadəcə gördüklərini köçürmək deyil, öyrənməyi də nəzərdə tutur. Böyük şairin yaradıcılıq irsində həm ədəbi nəzəriyyənin poetik ifadələri, həm də şairin emosional təcrübələri də daxil olmaqla yaradıcılıq prosesinin özünün təsvirləri mövcuddur. Buna görə də, bu mövzu daha ətraflı, hərtərəfli öyrənilməyə ehtiyac duyur. Məqaləmizi yekunlaşdırarkən bir daha vurğulayırıq ki, Nizaminin fəlsəfi dünyagörüşünün onun yaradıcılığında əks olunması mövzusu daha ətraflı tədqiqat tələb edir.

Açar sözlər: Nizami Gəncəvi, İslam poeziyası, qnoseologiya, epistemologiya, hermenevtika, ağıl və zəka.

Farida Jalilova Mahir gizi

AN EPISTEMOLOGICAL VIEW OF NIZAMI GANJAVI'S WORKS

Summary: This article analyzes the works of Nizami Ganjavi from the perspective of a contemporary researcher who is not a literary scholar. Seeking to create a comprehensive picture of the ideas associated with words in Nizami's works, the author examines the great poet's poetry within the context of gnosiology. The author claims that studying Nizami Ganjavi not only as a poet but also as a great thinker of the medieval Islamic world within the context of contemporary philosophical research promises interesting results. Nizami's epistemological views are closely linked to his aesthetic views. The world can only be understood through words – it is impossible to understand what cannot be explained in words. Words reflect the world, and Nizami succeeds in

organizing words in a way that no one else can. For Nizami, creativity means not simply imitation of what is seen but also study. The great poet's creative legacy includes both poetic expressions of literary theory and descriptions of the creative process itself, including the poet's emotional experiences. Therefore, this topic requires a more detailed and comprehensive study. In conclusion of our article, we once again emphasize that the topic of the reflection of Nizami's philosophical worldview in his work requires more detailed research.

Key words: Nizami Ganjavi, Islamic poetry, gnosiology, epistemology, hermeneutics, reason and intellect.

Məqalənin redaksiyaya daxilolma tarixi: 01.06.2026

Məqalənin çapa qəbul olunma tarixi: 05.06.2026